

ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

КОГДА-ТО, в годы молодости, один из друзей Заболоцкого в веселой игре задал присутствующим серьезный вопрос: на кого ты хотел бы походить сегодня? Назывались самые разные имена — от Гёте до Бурлюка. Заболоцкий ответил не задумываясь: «Хочу походить на самого себя».

Так это и случилось. Сейчас можно со всей определенностью сказать, что в истории поэзии XX века, столь богатой творческими индивидуальностями, Заболоцкий сохранил свое особое, неповторимое лицо поэта мысли, поэта, занятого по преимуществу познанием мира природы.

«...Истинное познание не для самости, оно, конечно, прежде всего самоотверженно, — считал Н. Рерих. — В этом самоотвержении и красота, и величие, и беспристрастность!» И в познании мира Заболоцкий много от самоотверженности и мужества, честности и красоты. Он не хотел брать напрокат в готовом виде то, что было до него накоплено традицией.

«Я не ищу гармонии в природе» — так полемично по отношению к XIX веку с его «разумной соразмерностью начал» обозначил поэт свою собственную позицию. Да и метод освоения «косной материи» — метод анализа, разложения, расчленения, был непривычен: рассеченная острым мечом силлогизма, природа давала поэту новый материал для диалектического познания, но напрочь лишилась былого очарования... Она представляла перед читателем в «страшно диком беспорядке» — то «знаками домов, растений и собак», то «вековой давящей», то «адам»... «Огромным миром противоречий», занятым «бесплодной игрой».

Взгляд Заболоцкого — художника и гуманиста — различил в этом мире страдание природы, животных, но в то же время он отметил и односторонность человека, забывшего о своем родстве с природой, о том, что он, человек, в цепи долгого эволюционного развития природы ее лучшая, разумная часть...

Да, Заболоцкий, как и другие советские поэты, писал в 30-е годы о необходимости внесения человеком разума в природу, о преображении ее трудом рук человеческих — достаточно назвать здесь «Север», «Седова», «Венчание плодами». Но художественная мысль, обогащенная анализом, не останавливалась на этом, искала сокровенных связей, сотворчества человека и природы.

Как реально и в то же время сказочно его «Лесное озеро», эта «хрустальная чаша во мраке лесном», сияющая целомудренной чистотой («в венце из кувшинок, в уборе осок») и мыслящая «мыслью отдельной»!

Как фантастична его «Гроза», в торжественной, размеренной поступи стиха словно бы творящая, созидаящая на наших глазах «эту молнию мысли и медлительное появление первых дальних громов — первых слов на родном языке»!

Эмоция, чувство, переживание становятся все более необходимым Заболоцкому инструментом в постижении многообразных граней и ликов природы...

«Учительница, дева-венница, мать...» — так скажет о ней 33-летний поэт в стихотворении «Засуха». Судьбе будет угодно, чтобы автор на собственном трудном опыте постиг великий смысл этих слов. Своему другу литературоведу Н. Л. Степанову он сообщил из Алтайского края: «Как-нибудь соберусь с

духом и напишу тебе особое письмо — о природе, которую я видел на Дальнем Востоке и здесь. Она на меня производит такое впечатле-

сот мгновенно упадет». Таков его «Вечер на Оке», откуда мы взяли процитированные строки. Таков «Сентябрь»: в его портрете схвачены черты дорогого существа — дочери, но в нем угадываются и впечатления от картин Сандро Боттичелли. Это одно из сильнейших потрясений, испытанных поэтом в конце жизни:

Нарисуй,
словно деревце,
Молодую царевну
зыбкую
в венце

веловый куст, можжевельный куст, остывающий лепет изменчивых уст, легкий лепет, едва отдающий смолой, проколовший меня смертоносной иглой!»

И все же Заболоцкий никогда не поступался ради музыки и образа главным — мыслью. «Как мне для мысли облик нужен, так мысль под формой мне нужна...» — мог повторить он вслед за старым поэтом. Трудно понять, как достигал

Но он оставил нам целый художественный мир — произведения совершенные, законченные, самым им отобранные осенью 1958 года для итогового издания своих сочинений. «Все другие стихотворения, когда-либо написанные и напечатанные мной, я считаю или случайными, или неудачными. Включать их в мою книгу не нужно». Как в этом завещании виден характер, суровая взыскательность к себе и подлинное уважение к читателю!..

Путь к читателю у Заболоцкого проходит через произведение, и только через него. Он создал тип своего стихотворения — нередко сюжетного, но прошитого пучками смелых ассоциаций, образов, исполненного глубокого символического смысла. Такие его стихи, как «Прохожий», «Журавли», «Прощание с друзьями», столь же узнаваемы, как и стихи Блока или Есенина...

«Когда я написал стихотворение, оно уже живет самостоятельной, не зависящей от меня, своей собственной жизнью», — как-то обмолвился поэт. Но он вряд ли мог предположить, что его стихи окажут такое огромное воздействие на последующее развитие поэзии. Без Заболоцкого, без серьезной нравственной идеи, осуществленной в его творчестве, не было бы многих современных поэтов.

«Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!» — эту «заболоцкую» строку сегодня не редкость встретить и в статье на педагогическую тему, и в романе современного прозаика. В школьные учебники вошли «Ходоки», но, может быть, уже настала пора включить сюда и другие, давно ставшие хрестоматийными стихи поэта: «Некрасивая девочка», «Вечер на Оке», «Не позволяй душе лениться».

Все чаще и чаще на вопрос: кто ваш любимый поэт? — слышишь в ответ имя: Николай Заболоцкий. Высокое чувство призвания и ответственности за него, напряженность духовных исканий, глубина и красота художественной мысли, верность традиции, самоотверженность в познании мира — вот что стоит за этим именем. И — верность самому себе.

Инна РОСТОВЦЕВА

МУЖЕСТВО
И КРАСОТА
ПОЗНАНИЯ

К 80-летию

со дня

рождения

Николая

ЗАБОЛОЦКОГО

С беспокойно
скользящей улыбкой
На заплаканном
юном лице.

Живопись — постоянная привязанность Заболоцкого на протяжении всего творческого пути. Она, бесспорно, помогала ему вырабатывать свой собственный пластический язык, оберегая от «риторики», «менторства», «голой расчлененности», оказывающих, по его словам, «плохую услугу поэзии».

Но и музыка была не менее нужна ему — для выражения неизреченных, сокровенных состояний человеческого сердца, к которым он прикасался с редким целомудрием: «Можже-

он синтез. В этом, видимо, и состоит секрет познания: мастер.

ПЕРЕД лицом Заболоцкого — строгого мастера, как он был назван еще при жизни, умолкают праздные разговоры о том, как мы пишем, когда пишем, зачем пишем, нередкие в литературной среде. Поэт не имел привычки публично распахивать свою творческую лабораторию. Он не вел дневников, а его записи, касающиеся поэзии, весьма малочисленны. Две небольшие, на страничку-полторы, заметки «Мысль — Образ — Музыка» и «Почему я не пессимист», написанные для возможного выступления в Италии и напечатанные посмертно, — вот главное, что успел нам сказать поэт о себе в роли критика. Он не оставил и черновики своих стихов и переводов; по свидетельству сына, Никиты Заболоцкого, не удавшиеся, с его точки зрения, стихотворения он попросту уничтожал.

ние, что иной раз я весь перерождаюсь, оставаясь с ней наедине. Эта могучая и мудрая сила таким живительным потоком льется в душу, что сам я в эти минуты делаюсь другим человеком. О, Судьба знает, что она делает».

Такое понимание природы в жизни и судьбе человека всегда было свойственно русской классической литературе, ее традиции в самом широком смысле слова. Это не только Тютчев и Баратынский, перед которыми благоговел Заболоцкий, это и Лев Толстой, Чехов, Бунин, которых он знал, любил и постоянно перечитывал.

Это и древнерусская литература, прежде всего «Слово о полку Игореве», которое переводил поэт в трудные для него годы. И не просто переводил, а, по его словам, пережил в себе самом: «Сейчас, когда я вошел в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо... Есть в классической латыни литые звенящие, как металл, строки; но что они в сравнении с этими страстными, невероятно образными благородными древнерусскими формулами, которые разом западают в душу и навсегда остаются в ней! Читаешь это слово и думаешь: какое счастье, боже мой, быть русским человеком!»

...В 50-е годы Заболоцкий отказывается от навязывания природе своих любимых философских и естественнонаучных идей. Он бесконечно благодарен ей за все то, что она значила в его судьбе и значит в судьбе каждого человека, и идет в природу, движимый только любовью, только желанием отыскать Мысль — Образ — Музыку, чтобы передать ее красоту:

В очарованье
русского пейзажа
Есть подлинная
радость, но она
Открыта не для
каждого и даже
Не каждому
художнику видна.

Заболоцкому она была видна — в неуловимых состояниях, переходах от будничного к возвышенному, одухотворенному, духовному в природе, когда «обыденности плотная завеса с ее кра-